

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПЕРЕВОДАХ

Л.Авидзба, Ж.Сихарулидзе

Тбилиси, Грузия

Summary: The article is dedicated to the issue of the rendition of proper names in translation. Different perspectives are given on this problem. The specifics of translating proper names are discussed.

Проблемам, связанным с передачей собственных имён (как относящихся к ономастике, так и принадлежащих к топонимике), традиционно уделялось большое внимание в переводоведческих трудах, прежде всего – в плане их фонетического (в письменном тексте – графического) оформления. Для русскоязычной традиции данный вопрос действительно крайне важен в силу расхождения между кириллическим алфавитом и латиницей, которая применяется в подавляющем большинстве языков, выступающих для русского в качестве исходных. В последних же дело обстоит по-иному: в большинстве случаев, «когда ИЯ и ПЯ [исходный язык и принимающий язык – Л.А., Ж.С.] пользуются латиницей, собственные имена переносятся в текст на ПЯ без изменений, т.е. в оригинальном написании. При этом никого особенно не волнует, как их будет произносить новый читатель. Например, пересаженные на французскую почву австриец *Моцарт* (Mozart), англичанин *Шепэрд* (Shepherd), немец *Хаусман* (Hausmann) офранцузиваются: *Мозáр, Шефэ́р, Осма́н*, и француз, попав в английский или немецкий текст, подвергается не менее жестокому калечению. Говорят, правда, что культурный европеец прочтёт имя Бетховена правильно в любом тексте, но утешение это, пожалуй, слабое» [Влахов, Флорин 1986: 268].

При рассмотрении способов перехода от одной алфавитной системы к другой обычно различают транскрипцию и транслитерацию. В первом случае средствами «переводящего алфавита» передают (точнее, стремятся передать, насколько это возможно) звучание иноязычного имени [Фёдоров 1983: 158-159] (А.А.Реформатский предложил называть такой способ «практической транскрипцией», отмечая, что, в отличие от используемых в лингвистических трудах фонетической и фонологической, она «призвана вводить иноязычные слова и их сочетания в русский текст, не выходя за пределы принятого алфавита, т.е. без введения новых букв или особых диакритических знаков» [Реформатский 1996: 384]). Во втором случае речь идёт о «побуквенном соответствии», причём в тех случаях, когда в ИЯ орфография и орфоэпия резко различаются (типичным примером является английский), фонетический облик может измениться до неузнаваемости.

Сами по себе правила транскрибирования и транслитерирования представляют собой сугубо лингвистическую проблему. Однако не менее

важны случаи, когда наблюдается отход от них, вызванный культурной традицией.

Прежде всего приходится отметить, что в исторической ретроспективе обращают внимание на определённое изменение последней: если для XVIII – первой половины XIX столетий при передаче иноязычных имён собственных больше следовали транслитерации, то в XX веке преобладать стала тенденция к транскрипции. Вместе с тем указанный процесс далеко не во всех случаях проводился последовательно и до конца, что влечёт за собой определённые сложности.

Характерен в этом отношении пример с фамилией одного из крупнейших представителей английской поэзии XVIII века, которая в оригинале представлена как *Pope*. В переписке В.А.Жуковского можно встретить фразу: «...Заглядываю в Попе и дивлюсь» [Русские писатели о переводе 1960: 88], т.е. использована последовательная транслитерация. В большинстве же изданий, относящихся к прошлому столетию, он фигурирует уже как Поп, и это написание стало по существу традиционным, хотя были попытки заменить его на более «правильное» с транскрипционной точки зрения Поуп. Нечто подобное произошло и с известным романом Вальтера Скотта: исходное *Ivanhoe* через транслитерацию *Иванхое* приняло традиционную форму *Айвенго*, которая, по терминологии А.В.Фёдорова, должна быть признана компромиссной.

Таким образом, в принципе, изменение формы репрезентации собственного имени – вещь возможная и с лингвистической точки зрения, несомненно, оправданная. Однако в плане культурной традиции дело обстоит гораздо сложнее.

Поучительно в этом отношении сопоставление точек зрения, представленных в работе С.Влахова и С.Флорина, с одной стороны, и А.В.Фёдорова – с другой.

Первые, выражая уверенность в том, что «язык сам справится с тем, что нецелесообразно, нелогично, устарело, что мешает или противоречит современным тенденциям», и ссылаясь «на наблюдающиеся в последнее время процессы в русской транскрипции», подчёркивают, что «хотелось бы встретить более чёткое указание на желательность сохранения при транскрипции исконного облика иностранца», с сожалением отмечая: «Вот только у королей, вроде, лёд ещё не тронулся: на латинский манер *Карлами* величают и настоящего *Карла* и *Шарля*, *Чарлза* (ср. часто встречающееся *Чарльз*), *Карлоса*, *Карела*, *Карло*, *Кароли*; а хотелось бы немца, француза, англичанина, испанца, чеха, итальянца, венгра видеть в их национальном облики» [Влахов, Флорин 1986: 272-273].

А.В.Фёдоров пишет: «В некоторых случаях традиция потребует для разных текстов разной передачи одного и того же имени: так, английское *George*, как правило, транскрибируется в форме “Джордж”, но когда это – имя короля, оно транслитерируется в форме “Георг”. Правда, бывали и примеры отказа от старой и установившейся формы передачи того или другого имени в пользу новой, фонетически более точной, но в целом подобные случаи за последние десятилетия относительно редки» [Фёдоров 1983]. Думается, что в настоящее время этот спор не может иметь одно-

значного решения. С одной стороны, изменение традиции – вещь действительно сложная и, не говоря уже о вызываемых им объективных трудностях (не всякий читатель сразу опознает, например, в Хайнрихе Хайне Генриха Гейне), оно часто наталкивается на резкое неприятие со стороны значительного количества представителей вторичной аудитории (вспомним, как недовольны были многие русские почитатели А.Конан Дойля, когда в середине XX в. привычный Ватсон превратился в Уотсона). С другой стороны, сама традиция, в свою очередь, может приводить к довольно большим недоразумениям при восприятии текста, что, кстати, хорошо иллюстрируется как раз примерами, связанными с передачей имён коронованных особ. В этой связи представляется целесообразным вновь вернуться к истории с английской народной балладой о короле и аббате (пастухе). Первая строчка оригинала выглядит следующим образом:

I'll tell you a story, a story anon,
Of a noble prince, and his name was King John.

В переводе Ф.Б.Миллера она передана следующим образом:

Хочу рассказать вам былинку одну,
Как жил-был король Иоанн в старину.

Версия же С.Я.Маршака звучит так:

Послушайте повесть
Минувших времён
О доблестном принце
По имени Джон.

У многих русских читателей, вероятно, может возникнуть вопрос относительно того, откуда в первом варианте появился Иоанн, о котором в исходном тексте как будто бы ничего не говорится. А между тем переводчик позапрошлого века точно следовал указанной традиции: названный английский венценосец, который вошёл в историю своей страны как *John the Lackland*, подписавший под давлением феодальной знати знаменитую Великую хартию вольностей, в русской историографии известен как Иоанн Безземельный. Однако, как ни странно, в данном случае не приходится упрекать в нарушении традиции и Маршака: на принцев эта традиция столь жёстко не распространялась, и в русском переводе того же «Айвенго» говорится о «принце Джоне», поскольку в период действия романа он ещё не был монархом. Впрочем, недоразумения такого рода могут возникнуть и по отношению к особам некоронованным: ср. пример, когда внук крупнейшего французского писателя Виктора Гюго в русском написании и произношении стал Жаком Юго, хотя на его великого предка переход от транслитерации (франц. *Hugo*) к транскрипции распространён не был. Впрочем, написание *Виктор Юго* встречалось и в русской печати первых десятилетий XX в. (именно так передавал имя своего коллеги по литературному цеху и А.С.Пушкин).

Приходится также учитывать, что с восприятием имени собственного в принимающей культуре может быть связано и явление, известное в пси-

холингвистике как «лингвистический шок». Последний «можно определить как состояние удивления, смеха или смущения, возникающее у человека, когда он слышит в иноязычной речи языковые элементы, звучащие на его родном языке странно, смешно или неприлично» [Белянин 1999: 100]. С подобным явлением приходится сталкиваться и в случае с именами нарицательными: персидское *кефир* ‘неверный’, турецкое *kulak* ‘ухо’ и т.п. В указанной работе В.П.Белянина отмечается, что «такого рода межъязыковая омонимия описана в лингвистике в своём слабом варианте как проблема “ложных друзей переводчика”» [там же, 100-101]. В чисто практическом плане между ними действительно много общего. Однако есть и различие: лингвистический шок в собственном смысле слова вызывается исключительно фактором созвучия, тогда как «ложный друг переводчика», как отмечалось выше, обычно подразумевает и этимологическую общность с соответствующим словом ПЯ [Белянин 1999: 100]. Однако поскольку последние при межъязыковой трансформации обычно переводятся (за исключением слов-реалий), постольку лингвистического шока они обычно не вызывают. С именами же собственными в силу отмеченной выше специфики, требующей их максимально близкого воспроизведения, дело обстоит по-иному. С.Флорин заметил по этому поводу: «Что делать, например, когда правильная транскрипция иноязычного имени окажется омонимом вульгарного, неприличного или просто комичного слова на языке перевода? Тут дело уже не в “эвфемизме” и не в боязни “порнографии”, а в том, что это может придать пародийный, карикатурный характер серьёзному или глубоко лирическому персонажу переводимого произведения» [Флорин 1983: 32-33]. Сравним приведённую выше цитату Жуковского, где, правда, подобный эффект вызван не транскрипцией, а транслитерацией. Впрочем, в таких случаях уже давно используется приём «намеренной деформации», т.е. сознательного изменения фонетического или графического оформления соответствующего имени. В этой связи показательно сравнение принятого в европейских языках написания *Sri Lanka* с русской передачей *Шри Ланка*, где вместо свистящего используется шипящий (соответствующее санскритское слово означает ‘славный, великолепный, благословенный’). Однако в некоторых случаях по тем или иным причинам прибегать к деформации считается нецелесообразным. Так, при издании в 60-х годах прошлого века на русском языке сборника речей основателя Турецкой республики Кемаля Ататюрка имя одного из современных ему политиков было – в соответствии с его оригинальным звучанием – передано как *Дурак-бей* (хотя в предисловии и оговаривалось, что для русского читателя оно звучит несколько забавно).

Ещё один вопрос, имеющий отношение к передаче собственных имён и имеющий отчётливо выраженный историко-культурный характер, связан с тем, что в принимающей культуре одно и то же имя (чаще всего это относится к топонимам) может в разные эпохи – благодаря ориентации на разные языки-источники – писаться и произноситься по-разному. Так, современные русские читатели, знакомясь с литературой прошлого – причём, не только с переводной, но зачастую и с оригинальной, – далеко не всегда могут сразу соотнести со знакомой им географической картой такие

названия, как Гельсингфорс (Хельсинки), Ревель (Таллин), Капштат (Кейптаун) и т.д. [Поспелов 2001]. С культурной традицией связаны и случаи перевода отдельных названий. А.В.Фёдоров высказал в связи с этим мысль, что «здесь можно уловить известную тенденцию, правда, далеко не абсолютную, выраженную в том, что к более известным географическим именам, таким как названия горных вершин, применяется транслитерация [В данном случае автор не проводит различия между собственно транслитерацией и транскрипцией – Л.А., Ж.С.], а к именам более узкого местного значения (как названия улиц с чётко выраженным образным значением, местностей, зданий) применяется и перевод». Впрочем, он здесь же оговаривается, что «от этой тенденции есть и целый ряд отклонений» [Фёдоров 1983: 157]. Так, по-русски известен *Мыс Доброй Надежды* (англ. *Cape of Good Hope*, восходящее к португальскому *Cabo de Buena Esperanza*), но берлинская улица *Unter den Linden* передаётся как *Унтер ден Линден*, а не *Под липами*. Аналогично в России известны расположенные на севере американского континента *Великие озёра* (англ. *Great Lakes*), однако название административного центра штата Юта, где проходили Олимпийские игры, – *Salt Lake City* – передаётся на русский язык при помощи транскрипции – *Солт-Лейк-Сити*, хотя раньше встречался иногда и перевод – *Город Солёного Озера* [Миньяр-Белоручев 1999: 52]. Здесь же можно отметить и случаи расхождения в оформлении тех или иных имён и названий, закреплённых соответствующей культурной традицией: англ. *Little Red Riding-Hood* – рус. *Красная Шапочка*; англ. *Arabian Nights* – рус. *Тысяча и одна ночь* и т.п.

Особое внимание теории и практики перевода всегда уделяли проблеме «говорящих имён», т.е. наличия у тех или иных собственных имён семантики, используемой в качестве художественного приёма (наглядной иллюстрацией могут служить «Недоросль» Д.И.Фонвизина, «Лошадиная фамилия» А.П.Чехова и др.), а также вопросу об именах-символах. При этом последние принято подразделять на «интернациональные» и «национальные» – в зависимости, условно говоря, от степени известности их за пределами родной культуры.

Ярким примером первых (во всяком случае, применительно к европейскому культурному ареалу) традиционно считаются библейские и античные мифологические имена; к ним также часто добавляют имена наиболее популярных литературных персонажей, по преимуществу западноевропейского происхождения (Дон Кихот, Отелло и др.). Ко вторым можно отнести столь привычных для носителя русской культуры Митрофана, Скалозуба, Хлестакова и др. Обращая внимание на это обстоятельство, С.Влахов и С.Флорин отмечали: «Почти синонимами по линии скупости можно считать ... *Плюшкина* и *Гарпагона*; но транскрибировать можно только “в одном направлении” – с французского на русский: русский знает *Гарпагона*, но для подавляющего большинства французов *Плюшкин* – пустой звук» [Влахов, Флорин 1986: 296].

Иногда в особую группу выделяют так называемые аллюзивные имена собственные, определяемые как своего рода пограничное явление между обычными и смысловыми антропонимами. В качестве примера приводят

обычно Макара Девушкина из «Бедных людей» Ф.М.Достоевского (намёк на пословицу о бедном Макаре, на которого «все шишки валяются»), князя Мышкина из его же «Идиота» (пословица «беден, как церковная мышь») и т.п. В.С.Виноградов, квалифицировавший их как «книжные имена, которые в литературном произведении перекликаются с другими именами собственными, например фольклорными, литературными или именами-компонентами пословиц, поговорок, речений, фразеологизмов» [Виноградов 1978: 150], отмечал, что способы их передачи (а её можно рассматривать прежде всего как культурологическую задачу), по сути дела, не разработаны: «Аллюзивные имена в теории перевода не изучались. Видимо, эта проблема ещё не стоит на повестке дня хотя бы потому, что почти не разработана в одноязычном плане. Не так уж редко переводчик просто не понимает и не чувствует никаких аллюзий в книжном имени собственном, которое у носителей языка ассоциируется с определённым словом из фольклорных, литературных и фразеологических источников. Но, даже понимая все ассоциации, он чаще всего не может воссоздать ассоциативные связи, окружающие имя собственное в оригинале, ибо эти связи по преимуществу ведут в систему устойчивых лексических средств исходного языка. Для аллюзии имени необходим исходный язык или экстралингвистический фон. Без этого фона имя не способно вызвать какие-либо ассоциации... Различия в языковом, литературном, этнографическом и социально-историческом фонах влекут за собой потерю аллюзий, намёков, ассоциаций, которые порождаются аллюзивными именами при чтении оригинального художественного произведения в той национальной среде, где оно было создано. Поэтому суть переводческой проблемы сводится к восстановлению там, где это возможно, того фона, того остающегося за текстом факта, ассоциативная связь с которыми придаёт дополнительную художественную окраску аллюзивному имени. Примеров подобной реконструкции утрачиваемого при переводе фона почти нет. Обычно переводчики предпочитают объяснять в сносках филолого-этнографические и прочие аллюзии, порождаемые именами собственными» [Виноградов 2001: 179].

Несколько по-иному подходят к решению рассматриваемого вопроса С.Влахов и С.Флорин: «Обсуждая эту группу имён, нужно сказать, прежде всего, что аллюзия аллюзии рознь. Если, например, большинству переводчиков, самых внимательных читателей, не удалось разглядеть её, то это наводит на мысль, что либо её и нет (бывает же, что литературоведы придумывают её за автора), либо автор не слишком настаивает на ней» [Влахов, Флорин 1986: 291]. Далее они отмечают, что при решении конкретной задачи, связанной с передачей такого рода имён (например, содержащих аллюзии на пословицу), всё зависит от наличия подобной пословицы в ПЯ. Отсутствие же последней делает задачу практически невыполнимой: «...Либо имя персонажа переменить, либо новую пословицу сочинить» [Влахов, Флорин 1986: 291].

Не претендуя на окончательное решение данной проблемы, хотелось бы заметить, что к приведённым нашими болгарскими коллегами соображениям относительно возможности «придумывания» аллюзии за автора

(при рассуждениях на эту тему – особенно если последнего уже нет в живых – неизбежна значительная доля субъективизма) можно присовокупить то обстоятельство, что значимость аллюзии, даже если не отрицать самого её наличия, весьма различна. Кстати, указанный момент хорошо иллюстрируется как раз приведёнными выше примерами, связанными с именами персонажей Ф.М.Достоевского. Относительно Макара Деушкина аллюзия, видимо, действительно является не только реальной, но и значимой (ср. заглавие повести «*Бедные люди*», слова самого персонажа о том, что из его имени «пословицу сделали» и т.п.), поэтому её передачу с точки зрения межкультурной адаптации следует признать если не необходимой, то, во всяком случае, крайне желательной (если не внутренним, то хотя бы внешним путём). Во втором же случае дело обстоит несколько по-другому: образ князя Мышкина гораздо сложнее, отнюдь не исчерпывается его бедностью, а само имя (Лев Николаевич Мышкин) обладает гораздо большей аллюзивной соотнесённостью с другими моментами (о чём неоднократно писали исследователи творчества Достоевского), и именно их сохранение в данном случае представляется более важным.

Сюда можно добавить и случаи, когда те или иные распространённые среди какого-либо народа имена собственные выступают в качестве обобщённого наименования представителей последнего или какого-либо социального слоя (например, англ. *Tom, Dick and Harry* 'всякий, каждый', *Tommy Atkins* 'солдат британской армии' и т.п., ср. название телепередачи «Иванов, Петров, Сидоров», а также ставшее нарицательным слово *ванька*, которым в дореволюционной России называли извозчиков). Этот «социокультурный компонент», при наличии его в исходном тексте, также требует учёта в процессе межкультурной адаптации. Так, в русском переводе одного из рассказов популярного в 70-80-е годы прошлого века грузинского писателя Нодара Думбадзе без какой-либо внешней или внутренней адаптации воспроизведён эпизод оригинала, где опустившийся человек, выпрашивающий себе денег на выпивку, услышав обращение «Симон», спрашивает: «Откуда тебе известно моё имя?», на что следует ответ: «Известно, Симон, известно». Вряд ли незнакомый с особенностями неформальной городской грузинской субкультуры тех лет русский читатель поймёт причину подобной пронительности. Между тем обращение «Симон», носящее ярко выраженный фамильярный (а зачастую и фамильярно-презрительный) характер, было широко распространено, особенно в молодёжной среде, выполняя фактическую (контактоустанавливающую) функцию.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов 2001 – *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение. М., 2001.
Виноградов 1978 – *Виноградов В.С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы. М., 1978.
Влахов, Флорин 1986 – *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М., 1986.

- Мазганик 1969 – *Мазганик Э.Б.* Роль антропонима в построении художественного образа // Ономастика. М., 1969.
- Миньяр-Белоручев 1999 – *Миньяр-Белоручев Р.К.* Как стать переводчиком? М., 1999.
- Поспелов 2001 – *Поспелов Е.М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 2001.
- Реформатский 1996 – *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 1996.
- Русские писатели о переводе 1960 – Русские писатели о переводе. Л., 1960.
- Фёдоров 1983 – *Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода. М., 1983.
- Флорин 1983 – *Флорин С.* Муки переводческие. М., 1983.